

ИМПЕРАТИВ «СМИРЕНИЯ»

(Вынужденное предисловие к несостоявшейся книге
о профессоре Н.В. Устрялове)

Должен признаться, что с определенной долей опасения приступал к подготовке данного материала. Связано это опасение с целым рядом обстоятельств, которые и определили само содержание того, что я ныне излагаю. И, наверное, если бы это были лишь мои личные опасения, то на их изложение не стоило бы тратить время и Ваше внимание. Однако боюсь, что речь идет не только о моих личных страхах, а о явлении, которое, возможно, стоит обсудить публично.

Речь идет вот о чем. Для меня, пытающегося заниматься историей отечественной интеллигенции уже более четверти века, интересны идеи и судьба профессора Устрялова. Его биография достаточно хорошо известна: Устрялов Николай Васильевич (март 1890, Санкт-Петербург — 14 сентября 1937, Москва) (псевдоним П. Сурмин) — правовед, философ, политический деятель. В 1913 году окончил юридический факультет Московского университета. В 1916 – 1918 годах работал приват-доцентом данного университета, преподавал государственное право. Член кадетской партии. С 1916 года активно печатался в журналах “Русская мысль” и “Проблемы Великой России”, доказывал необходимость для России великодержавной империалистической политики. После Февральской революции 1917 года возглавил Калужскую организацию кадетской партии. В 1917 – 1918 годах сотрудничал в московской газете “Утро России” (позже “Заря России”). В 1918 году издавал вместе с Ю.В. Ключниковым¹ и Ю.Н. Потехиным² журнал “Накануне”, где подчёркивал, что революция является *“подлинно русской”*, а большевизм представляет собой *“комплекс идей, пусть ошибочных, пусть ложных, пусть диких, но всё же издавна присущих нашему национальному сознанию”*. В 1918 году приват-доцент Пермского университета. В декабре 1918 года, после захвата Перми войсками Колчака начал службу юрисконсультom при управлении делами Правительства А.В. Колчака, с февраля 1919 года — директор пресс-бюро отдела печати данного правительства, издатель газеты “Сибирская речь”, редактор правительственной колчаковской газеты «Русское дело». Утверждал, что *“силой вещей линия развития русской государственности сливается с линией кадетизма”*, считал политику Колчака и Деникина *“единственно*

серьёзной и государственно-многообещающей формой белого движения”. Но уже в начале 1919 года говорил Ю.В. Ключникову о возможности победы большевиков и о том, что в таком случае *“мы должны быть с Россией”*. В начале 1920 года эмигрировал в Харбин. В 1920 – 1934 годах преподавал в Харбинском университете. Одновременно работал в советских учреждениях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД): в 1925 – 1928 годах — начальник учебного отдела, в 1928 – 1934 годах — директор центральной библиотеки. В 1920 – 1934 годах был редактором газеты “Новости дня”, сотрудничал в газете “Вестник Манчжурии”, а в 1920 – 1924 годах издавал вместе с Г. Диким альманах “Русская жизнь”. Одновременно печатался в московской газете “Россия”. Статьи Н.В. Устрялова, опубликованные в первой половине 1920 года, вошли в сборник *“В борьбе за Россию”* (Харбин, 1920). Признавая бесперспективность возобновления вооружённой борьбы, он писал, что большевизм будет изживать себя в атмосфере гражданского мира и этому должны способствовать национально-патриотические элементы России. Дальнейшее развитие эти идеи получили в его статье в сборнике *“Смена вех”* (Прага, 1921)³, после чего Н.В. Устрялов стал считаться главным идеологом общественно-политического течения российской интеллигенции “национал-большевизма”, или, как его обычно называли, “сменовеховства”. Н.В. Устрялов предлагал пойти *“на подвиг сознательной жертвенной работы с властью, во многом нам чуждой.., но единственной способной в данный момент править страной, взять её в руки”*. Он считал, что провозглашение права нации на самоопределение вплоть до отделения — лишь тактический манёвр большевиков, и, следовательно, перспектива восстановления единства страны создаёт почву для поддержки русскими патриотами *“правительства революции”*. Интеллигенции Н.В. Устрялов рекомендовал критиковать отдельные аспекты политики большевиков, но сотрудничать с ними и побуждать их к реформам, которые ведут к преодолению коммунистической хозяйственной системы и трансформации *“диктатуры пролетариата”* в демократическое государство. Начало эволюции в этом направлении он усматривал в отказе большевиков от ориентации на немедленное установление коммунизма (*“Экономический Брест”*), в концессиях и других проявлениях нэпа. Н.В. Устрялов предсказывал появление вслед за нэпманами *“созидательной буржуазии”*, прежде всего *“крепкого мужичка”*. Своеобразным откликом на эти рекомендации явилась характеристика Н.В. Устрялова в докладе И.В. Сталина на XIV съезде ВКП (б) в 1925 году: *“Он служит у нас на транспорте [имелась, наверное, ввиду его служба на КВЖД —А.К.]. Говорят,*

что он хорошо служит..., ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении партии, мечтать у нас не запрещено”⁴. В 1925 году Н.В. Устрялов отмежевался от позиции “сменовеховцев”, группировавшихся вокруг берлинской газеты “Накануне”⁵, которые, по его словам, довольствовались лишь некоторыми корректировками “социалистического строительства”. По мнению Н.В. Устрялова, “раз став на путь уступок, советская власть окажется настолько увлечённой их логикой, что возвращение на старые позиции коммунистического правоверия будет для неё уже невозможным”. Размышляя о вероятной эволюции государства в СССР, он не считал неминуемой “рецепцию Россией западных конституционных канонов” и рассчитывал, что России удастся создать новый “культурно-государственный тип, авторитетный для Запада”, включающий в себя и советскую систему, которую “мы непростительно не учитывали, когда пребывали в белом лагере”. Однако в конце 1920-х — начале 1930-х годов Н.В. Устрялов был вынужден признать, что надежды на реставрацию капитализма не оправдываются в связи с успехами индустриализации и коллективизации, которые “обновили страну”, из чего следует, что нужно сделать “реальный выбор — с революционным государством против его врагов”, а “двусмысленная лояльность в спецовой среде” неприемлема, как и вредительство. В 1934 году он заявил, что о возвращении к капиталистическим отношениям больше не может быть речи, все правоуклонистские и “перерожденческие” теории утратили почву. В 1935 году, после продажи КВЖД Японии, был вынужден, как советский служащий, вернуться на Родину, предусмотрительно перед отъездом переправив свой архив в США. В СССР работал профессором экономической географии в Московском институте инженеров транспорта. Но 6 июня 1937 года был арестован органами НКВД СССР, а 14 сентября 1937 года военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в “шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации” (статьи 58-1, 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР) приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение в тот же день в Москве. Н.В. Устрялов реабилитирован 20 сентября 1989 года. Сочинения: *Под знаком революции*. Харбин, 1925; *На новом этапе*. Шанхай, 1930; *Наше время*. Шанхай, 1934; *Белый Омск: Дневник колчаковца* (Публикация А.В. Смолина)// *Русское прошлое*, 1991, № 2; *1919-й год: Из прошлого* (Публикация А.В. Смолина)// Там же. 1993. № 4; «Служить Родине приходится костями...». *Дневник Н.В. Устрялова 1935 – 1937 гг.* (Публикация И.А. Кондаковой) // *Источник*. 1998. № 5 – 6. С. 3 – 100; *Пермский дневник*. Пермь, 2000.

Это коротко то, что на сегодняшний день я знаю о профессоре Устрялове, а, точнее, как ныне я представляю его жизнь⁶. Должен признаться, что мое представление о нем не всегда было таковым. Впервые мне пришлось максимально подробно узнать о личности Устрялова при подготовке кандидатской диссертации. Помню тогда мой научный руководитель, профессор Владимир Васильевич Комин предложил мне проследить связи «веховцев» и «сменовеховцев», или как он сам их называл в своих работах «нововеховцев». Естественно, как это и было положено начинающему аспиранту в далеком уже теперь 1976 году, обратился к Полному собранию сочинений В.И. Ленина, потом прочитал резолюции большевиков и другие партийные документы. Оказалось, что ленинские и партийные оценки расходились со взглядами моих современников, историков 1970-х годов. Так, в МГУ в 1967 году была защищена кандидатская диссертация по истории «сменовеховства», в которой её автор – О.И. Хохунова категорически утверждала, что *«у сменовеховцев с международной буржуазией, с меньшевиками и эсерами было единство взглядов по всем вопросам»*⁷. Эту точку зрения не только данный, но и целый ряд других авторов продолжал отстаивать в 1970-е – 1980-е годы. В этих условиях требовалось или идти в фарватере данного идеологического курса, или попытаться как-то «протащить» иную точку зрения. Тогда, 20 лет тому назад, мне казалось почти геройством то, что для критики О.И. Хохуновой, ряда других современных историков и доказательства собственной точки зрения пришлось постоянно ссылаться на высказывания В.И. Ленина и других большевиков. Правда, во многом мне помогало то, что в это время вышла книга С.А. Федюкина⁸, где проводилась «реабилитация» Н.В. Устрялова и других сменовеховцев. Это позволило известному диссиденту М. Агурскому даже высказать предположение о борьбе двух линий в официальной идеологии СССР по отношению к национал-большевизму⁹.

Надо отметить, что при обсуждении рукописи моей диссертации на кафедре было высказано немало критических замечаний, касающихся в первую очередь «обеления» сторонников идей Н.В. Устрялова в моей работе. И, наверное, если бы не научное руководство профессора В.В. Комина, то диссертацию просто бы «завернули». При этом было высказано предложение сделать защиту диссертационной работы «закрытой», то есть без широкого доступа желающих. Скорее всего, здесь сказывалась боязнь «реабилитации классово-чуждых элементов». Сегодня та ситуация кажется просто дикой, да и новаторство моих тогдашних выводов предстает ныне весьма сомнительным. И, тем не менее, меня охватило чувство

смятения, когда в зале заседания диссертационного совета неожиданно появилась невысокого роста женщина в сером костюме, какие обычно олицетворяли «товарищей из парторганов». Даже сейчас помню состояние животного страха и одну только мысль вертящуюся в голове: «И зачем надо было делать работу не как у всех?». На короткий срок был готов отказаться от всех своих выводов и примириться с «единственно правильной оценкой» Устрялова и его адептов в работах О.И. Хохуновой, Н.П. Мамаева¹⁰, Э.Б. Генкиной¹¹, Л.Г. Обичкиной¹², И.Я. Трифонова¹³ и других старших товарищей.

С началом «перестройки» и провозглашением «гласности», пройдя через исключение из рядов КПСС и увольнение с работы «за смещение идеологических акцентов на лекциях» (в действительности, за открытое выступление против использования средств, выделенных на строительство Волгоградского госуниверситета, на строительстве дач для И.П. Рыбкина и других партаппаратчиков), мне стало казаться, что я утратил чувство «внутреннего цензора». Более того, позволил себе в нескольких работах даже утверждать, что идеи Третьего Пути Н.В. Устрялова могли стать предпочтительной альтернативой «диктатуре пролетариата»¹⁴. Сегодня устряловские идеи кажутся попыткой вынужденного компромисса с большевиками. Но, безусловно, в его взглядах заметны мотивы, схожие с теориями конвергенции академика А.Д. Сахарова и З. Бжезинского. К сожалению, ныне наше представление про недавнее прошлое под влиянием средств массовой информации серьезно деформировано. Если верить тому, что сегодня говорят и пишут, то получается, что до 1991 года всё население СССР страдало под пятой коммунистического режима, все были настроены антисоветски, а возглавляли борьбу против «развитого социализма» нынешние «демократические» лидеры, такие как Б.Н. Ельцин, Г.Г. Алиев, Э.А. Шеварднадзе и другие. Правда, если хорошенько задуматься, то не понятно, как это могло быть в стране, где каждый пятый взрослый человек был членом КПСС, а каждый десятый сотрудничал со всесильным КГБ. Да, и вспоминается, что Г.Г. Алиев и Э.А. Шеварднадзе сделали свою карьеру на борьбе с местным национализмом с начала во главе республиканских органов КГБ, затем ЦК республик, а позже в брежневском Политбюро ЦК КПСС, когда академик А.Д. Сахаров и писатель А.И. Солженицын подвергались гонениям. Сегодня идеи конвергенции академика А.Д. Сахарова, его проект конституции СССР прочно забыты, а лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын снова в оппозиции правящему режиму. Если же, с учетом изменений, произошедших в стране и в мире с 1920-х по

1980-е годы, попытаться сопоставить их идеи со взглядами Н.В. Устрялова, то окажется много общего¹⁵. Вот почему пропаганда через научные работы его взглядов в конце 1980-х годов казалась мне особенно важной.

И снова идеи Н.В. Устрялова заставили меня почувствовать себя дискомфортно в августе 1991 года. Диссертация была отдана на оппонирование, когда объявился ГКЧП. В мгновение все выводы диссертационного сочинения, да и жизненные позиции оказались под ударом. Мне советовали срочно расплести уже готовую работу и заменить везде, где можно ссылки и выводы «антисоветского» направления на прокоммунистические. И первым ощущением было зависание над пустотой. К счастью для меня ГКЧП не смог укрепиться. А вскоре мои вчерашние советчики с тем же напором и категоричностью настаивали на том, чтобы я удалил из работы все выводы и ссылки «коммунистического» характера.

Сегодня обо всём этом вспоминаешь не только с чувством щемящей ностальгии, но и с ощущением некоторой тревоги. Нынешнее дискомфортное состояние вновь связано с неуверенностью в завтрашнем дне, в том, что «не продается вдохновение, но можно рукопись продать». Кому, и с какими идеями придётся продавать свои исторические изыскания завтра? Вопрос далеко не праздный. И здесь снова в мои личные размышления вмешался Н.В. Устрялов.

Историк при работе в архивах всегда должен быть готов к сюрпризам. Сколько бы ни было собрано документов по теме, всегда может оказаться, что обнаружится документ, ставящий под сомнение окончательность тех выводов, к которым пришел в процессе долгой работы. Так случилось и со мной, когда давилось по гранту Фонда Фулбрайта в 1999 – 2000 годах работать в архиве Гуверского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Hoover Institution Archives, Stanford). Прекрасные условия для работы исследователей, доброжелательность и компетентность сотрудников позволили быстро и эффективно ознакомиться с интересующими меня коллекциями. Но стоило мне заказать коллекцию документов Н.В. Устрялова, как всё изменилось. Всегда радушно улыбающаяся мне директор Архива Елена Даниельсон подбежала ко мне с искаженным от гнева лицом и неожиданно стала топтать ногами, крича по-русски: «Половина! Понятно? Только половина!». Оказывается, мне разрешили копировать только по половине из каждой папки в коллекции Н.В. Устрялова, то есть предложения и даже слова должны были обрываться посередине. Дикость подобного требования до сих пор для меня остается загадкой, тем более что по распоряжению всё той же Елены Даниельсон копии

всей коллекции документов Н.В. Устрялова целиком были предоставлены по моим сведениям, по крайней мере, двум российским исследователям: Л.А. Быстрянской и О.В. Воробьеву, которые ныне независимо друг от друга готовят их к печати.

Тем не менее, я внимательно несколько месяцев изучал коллекцию Н.В. Устрялова, делал разрешённые мне копии документов. Коллекция состоит из третьих экземпляров машинописных копий (нахождение первого и второго экземпляров мне неизвестно). Из текста выясняется, что Н.В. Устрялов лично перепечатал на машинке, методично скорректировал текст, тщательно исправил все опечатки и вписал иноязычные слова, выражения в Харбине в 1934 – 1935 годах. Тогда он готовился вместе с другими сотрудниками КВЖД к переезду в Москву. Возможно, предчувствуя дальнейшие превратности судьбы, он интенсивно приводит в порядок свой архив, снимает копии с большинства, но, как видно из его собственных комментариев, далеко не всех документов. Он систематизирует свою обширную переписку, причем каждый раздел снабжается небольшой вступительной статьей и краткой характеристикой авторов писем, иногда вставляет выдержки из своего харбинского дневника. Довольно часто его оценки страдают крайним субъективизмом, категоричностью. Письма подобраны так, что Н.В. Устрялов выглядит в них выигранно, он выступает всегда победителем в дискуссиях, оставляет в подборке совершенно несущественные по значению письма, содержащие лестные характеристики его идей и деятельности, а в ряде писем критического в адрес Устрялова содержания заметны объемные купюры. Порой Н.В. Устрялов при перепечатке оставляет грамматические и стилистические ошибки других авторов с пометками *«так в тексте»*, хотя его собственный текст не всегда свободен от грамматических и стилистических погрешностей. Таким образом, несколько месяцев он готовил этот рукописный памятник себе с безусловной надеждой на то, что в любом случае хотя бы один экземпляр рукописи сохранится.

Столь подробное описание коллекции Н.В. Устрялова в Гувере представляется мне особенно важным, ибо говорит многое о его неофициальной, внутренней настроенности. Уже в пермском, омском, иркутском и харбинском дневниках заметно определенное раздвоение взглядов Устрялова, на которое обратил внимание их современный публикатор из Санкт-Петербурга А.В. Смолин: *«Интерес дневника, также состоит и в том, что он показывает нам двух Устряловых – один стоит во главе пропагандистской машины Колчака и пишет бодрые статьи, зовущие к победе, и другой – осознающий обреченность всего происходящего и осознающий бесцельность борьбы»*¹⁶. Феномен данного явления необходимо как-то объяснить:

почему человек, имеющий достаточный вес в обществе, пытающийся официально пропагандировать одни идеи, реально является противником этих идей, выступает сторонником идей противоположного плана? Он, безусловно, не стал коммунистом, критикует основные установки большевиков и официально, и в дневнике. Но почему он не может при наличии своего неверия в успех Белого дела отказаться от своей официальной должности, заняться открыто выражением собственных мыслей? Что-то заставляет Н.В. Устрялова скрывать свои собственные взгляды, официально пропагандировать то, во что сам не верил.

В эмиграции в Харбине его официальная позиция делается еще более сложной. С одной стороны, он становится идеологом течения «Смены вех», принимает советское гражданство. С другой стороны, он живет в основном среди белоэмигрантов, постоянно общается с ними. Это заставляет его постоянно подчеркивать собственную независимость и от белых, и от красных, вызывая критику и тех, и других. И лишь в феврале 1935 года, получив разрешение на выезд в СССР, он снова стоит перед выбором. Идеи, пропагандируемые им в течение последних 15 лет заставляли его ехать в СССР, но он осознавал всю опасность подобного возвращения. Поэтому он не только привел в порядок свой харбинский архив, но и подготовил его к отправке в США. Скорее всего, среди бумаг было и несколько следующих пермским, омским, иркутским тетрадей-дневников. То есть, официальный Устрялов едет в Москву, а «истинный Устрялов» должен быть спастись в США.

По дороге в Москву, еще в поезде, Н.В. Устрялов начал день за днем записывать свои мысли и впечатления в дневнике, на титульном листе которого написал «Хлам дум» и поставил – «т. VI (и последний?)». Современный публикатор данного дневника И.В. Кондакова в комментарии очень верно отметила: *«Отражение им в дневнике глубоко индивидуального восприятия советской действительности и своего места в ней проходит как бы между двумя полюсами: "я так ценю свою жизнь на родине" – с одной стороны, и "грустно, что служить родине приходится не разумом, знаниями и опытом, а костями" – с другой. Сказать, что дневник богат фактами, мыслями, чувствами, напоен духом 30-х годов – это, значит, не сказать о нем почти ничего. Эмоциональный строй записей таков, что не может оставить зрелого человека безучастным ни к событиям тех дней, ни, главное, к личности автора этих заметок. Устрялов не мог не ощущать в Советской России зажима индивидуальности, искусственного умаления престижа интеллигенции, страшной тоски вынужденного бездействия: в записях присутствует некоторая недоговоренность, легко читаемая*

зашифрованность, прозрачная затуманенность выражения мыслей и чувств»¹⁷.

Правда, публикатор ошибочно, на мой взгляд, определяет искренность дневниковых записей Н.В. Устрялова на основании краткой записки к жене, датированной 7 июля 1937 года, то есть на следующий день после ареста: *«Милая Наташа, пожалуйста, пришли с посланным дневники»¹⁸*. Могу предположить, что здесь у Н.В. Устрялова сработала аналогия с ролью дневника в судьбе другого «сменовеховца» – известного литературоведа И.Г. Лежнева¹⁹. После высылки и в дальнейшем возвращения в СССР, он к осени 1933 года подготовил и в 1934 году опубликовал первый том книги о пережитом им духовном переломе и о путях русской интеллигенции вообще – *“Записки современника”*. Сигнальный экземпляр книги и сопроводительное письмо к ней направил в ЦК ВКП (б), прося рассматривать эту книгу как расширенное заявление о приёме в большевистскую партию. После уникального в своём роде покаяния, он становится одним из фаворитов И.В. Сталина.

Данное показательное покаяние, наверное, не прошло мимо внимания Н.В. Устрялова, ибо они с И.Г. Лежневым в начале 1920-х годов были единомышленниками, перепечатывали в своих изданиях размышления друг друга. В этой связи характерна дневниковая запись Н.В. Устрялова от 5 июля 1936 года, то есть ровно за год до собственного ареста: *«[...]...То и дело мелькают разные мысли, но почему-то не записываю их, вопреки старой привычке. В самом деле, почему это?»*

Не потому ли, что как-то утратил интерес к собственным, индивидуальным мыслям? Важны дела, важна работа в общем плане, а не болотные огоньки маленьких личных настроений и раздумий. Конечно, это связано с общим моим статусом, биографическим опытом.

Дисциплина! Интуиция, энтузиазм дисциплины. Да, это один из необходимых и естественных диалектических моментов в эволюции сознания людей моего круга и моего типа. Знаю опять же по опыту, – он приходящ, этот момент, он относителен, хотя императив дисциплины ощущается ныне всем существом, как неотъемлемый и безусловный. Противоречие? – Диалектика!

"Смирись, гордый человек!"

Этот императив "смирения" – подозрителен с советской точки зрения. Воспевание дисциплины вот в этом, в нынешнем моем стиле – не советское дело, оно не имманентно советскому жизнечувствию. Настоящему, подлинному советскому человеку оно не свойственно. В нем есть какой-то привкус "аскезы", "жертвы"–

не так ли? Настоящий советский человек дисциплинирован органически, дисциплина для него есть реализация собственной его природы. Дисциплина для него – менее всего проблема. Дисциплина – его стихия.

Любопытно. Мы – отмирающее племя. Советская эпоха для нас, в нашей жизни – вечерняя заря, как для Симеона – рождение Спасителя²⁰. – Ныне отпущаеши...

Потом мы войдем в историю революции, как некий самостоятельный отряд. Нами займется советский Ленопр²¹. Постараемся же, насколько это в наших силах, перевоспитать себя в подлинном разуме эпохи. Человек перманентно творит себя, делает себя. Нелегкая миссия, но и почетная. Dulce et decorum est²² стать, быть настоящим сыном великой советской родины, подлинным гражданином великого советского государства!²³.

Данная дневниковая запись важна во многих отношениях. В первую очередь хочется обратить внимание на апатию Н.В. Устрялова, его нежелание впервые за долгие годы жизни излагать «болотные огоньки маленьких личных настроений и раздумий». Патетические строки, провозглашающие здравицы «великой советской родины» и «великому советскому государству», сочетаются с размышлениями о (вынужденной?) дисциплине советских людей, которые воспитаны годами в условиях этой дисциплины. Явно для чужого глаза написаны строки о стремлении «перевоспитать себя в подлинном разуме эпохи», об «императиве "смирения"». При этом Н.В. Устрялов пишет не только лично о себе, а о «неком самостоятельном отряде», куда безусловно входит большая часть дореволюционной интеллигенции, во всяком случае, практически все сторонники сборника «Смена вех».

Что же это за «императив "смирения"», заставляющий представителей интеллигенции в поисках компромисса с новой властью менять свои прежние идейные установки? Возможно, что речь идет о функциональной роли в обществе его духовной элиты, о чем писал А.С. Ахиезер: «Большое общество, в особенности вступившее на путь утилитаризма, не может существовать, если в нем не сложилась духовная элита, занятая разработкой высшей культуры. Той культуры, которая поднялась до осмысления задач большого общества, человечества, которая ищет новые нравственные идеалы, пути воспроизводства большого общества, новые, более совершенные, достойные средства единения людей, более высокие цели. Гибель духовной элиты, изоляция ее от общества может быть аналогична потере человеком разума в сложной ситуации. Она – центр жизни общества, где

сконцентрирована выработка новых культурных и организационных мутаций. Она аккумулирует, концентрирует важные культурные новшества, возникающие в обществе, во всей толще народной почвы»²⁴. Получается, что одна из важнейших функций интеллигенции заключается в поисках компромисса, нахождение согласия в обществе.

Но возможна и иная трактовка «императива "смирения"» как конформизма. С подобной трактовкой выступил современный новосибирский исследователь С.А. Красильников: «Традиционно конформизм (от позднелатинского *conformis* – подобный, сообразный) трактуется как негативное явление, означающее приспособленчество, пассивное принятие существующих порядков, отсутствие собственной позиции и т.д. Однако нельзя не видеть и другой стороны конформизма, благодаря которому устраняется угроза конфронтаций и конфликтов: принятие и следование утвердившимся в обществе нормам и ценностям является необходимым аспектом социализации личности, слоя, группы и становится предпосылкой и условием функционирования той или иной социальной системы. Конформизм в подобной трактовке позволяет достигать состояния согласования различных интересов, обеспечивать стабильность состояния общества, различных его сфер. Важнейшей интегральной функцией интеллигенции является своего рода «склеивание» отдельных слоев и групп общества в единое целое. И здесь присущий ее деятельности конформизм безусловно играл и играет позитивную роль. В условиях социальной нестабильности подобное свойство интеллигенции приобретает особенно значимый характер»²⁵.

И при первом, и при втором подходе получается, что в «императиве "смирения"» заключается одна из основных функций интеллигенции, духовной элиты общества. Но если так, то почему в результате применения «императива "смирения"» на практике 1920-х – 1930-х годов, он привел к трагическим последствиям для тех представителей общественно-политического течения российской интеллигенции «Смена вех», в том числе и для Н.В. Устрялова, которые данный императив последовательно отстаивали? Нет ли здесь определенной грани, после пересечения которой императив превращается в подобие мистического Минотавра, пожирающего своих детей? Эти вопросы сегодня носят не только чисто теоретический или исторический характер.

Так получилось, что последние публикации об идеях и судьбе Н.В. Устрялова вызывают перекрестный огонь обладателей копий его коллекции в Гуверском архиве. И хотя у меня была подготовлена большая публикация, вызванная размышлениями на основе

знакомства с архивными материалами коллекции Н.В. Устрялова, решил не испытывать судьбу в очередной раз. Сразу представил себя под огнем критики тех, кто присвоил себе право распоряжаться судьбой архивных материалов из гувернской коллекции. Кроме того, общественно-политическая обстановка в стране вновь заставляет вспомнить об «императиве "смирения"». А.И. Солженицын в речи 13 декабря 2000 года в посольстве Франции в Москве, на мой взгляд, очень точно охарактеризовал современную Россию: *«Что же сказать о России? Ее история особенно трагическая. И в ней нынешняя политика еще дальше от нравственности. После 70 лет тоталитарного гнета Россия попала в вихрь, разрушительный вихрь грабежа национального достояния и достояния населения. Народ наш не может, не успел встать на ноги. Он не успел получить возможность проявить свою инициативу, свои собственные силы для решения своей судьбы. Самоуправление в нашей стране подавлено. Вместо него топчется над нашими головами толпа чиновников. Наш политический класс составлен диким образом – из нераскаявшихся номенклатуристов, всю жизнь проклинавших капитализм, а теперь восславивших его. Из хищных комсомольских вожаков, из абсолютных политических авантюристов, из находчивых экономических грабителей, из случайных людей, мало подготовленных для роли, которую они на себя взяли. Нравственный уровень нашего политического класса невысок, а интеллектуальный не выше»*²⁶. С одной стороны, хочется согласиться с каждым словом А.И. Солженицына. А с другой стороны, что-то всё чаще в последнее время вспоминаю про «императив "смирения"» Н.В. Устрялова. Вот почему с определенной долей опасения приступал к подготовке данного материала. Связано это опасение с целым рядом обстоятельств, которые и определили само содержание того, что я ныне изложил. И, наверное, если бы это были лишь мои личные опасения, то на их изложение не стоило бы тратить время и Ваше внимание. Однако боюсь, что речь идет не только о моих личных страхах, а о явлении, которое, возможно, стоит обсудить публично.

К проблеме познавательных установок, хотя и в несколько ином контексте, Шрейдер вернулся в 1989 г. в статье, посвященной отношению между сознанием и идеологией [9]. Он предложил читателю задуматься о дилемме: *«чему отдать приоритет - знанию, программирующему личность, или личности (как онтологической реальности), свободно соотносящей знание с жизнью»*. Если знание «программирует» личность, то оно становится гарантией при решении всех проблем собственного существования; полнота знания как бы сама по себе уже

обеспечивает правильность личного выбора, а свобода находит себе место лишь в несовершенстве разума и временной неполноте знания, как временная неопределенность поведения.

За этим высказыванием стоит очень важная тема: личная ответственность человека за тот или иной ценностный выбор и ответственность ученого как необходимый аспект свободы научного поиска. Эта позиция представляется мне особенно значимой сегодня, в эпоху ценностной неразборчивости и лоскутного мышления, которое почему-то называется постмодернизмом.

---

¹ **Ключников Юрий Вениаминович** (1886, город Казань — 10 января 1938 года, Москва) — известный общественный деятель, юрист, специалист в области международного права, литератор. До 1917 года — приват-доцент, с 1917 года — профессор Московского университета. Кадет. В 1918 году участвовал в антибольшевистском мятеже в Ярославле. В период Гражданской войны был консультантом и товарищем министра Уфимской директории, затем — управляющим Министерства иностранных дел Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака в Омске. В 1919 году уехал за границу, входил в состав Парижского комитета партии кадетов. Но вскоре, по его словам, *“уверовав в гений Ленина”*, возглавил в Европе сменовеховское общественно-политическое течение. Становится ведущим идеологом сборника *“Смена вех”* (Прага, 1921) и последующих сменовеховских изданий — журнала *“Смена вех”* (Париж, 1921 – 1922 годы) и ежедневной газеты *“Накануне”* (Берлин, 1922-1924). Заявлял, что *“России была нужна революция”* и *“русская интеллигенция не могла и не должна быть иной”*. Считал большевистскую идею *“мировой пролетарской революции”* воплощением исторической идеи российской великодержавности. Утверждал, что именно поэтому, идя на сотрудничество с большевиками, сменовеховцы *“остались прежними узкими националистами”*, поклонниками Великой России. Он отмечал, что сменовеховство началось в *“плоскости личных переживаний отдельных русских интеллигентов”*, ибо это был протест, прежде всего, против собственных политических взглядов той части русской интеллигенции, которая продолжала отрицать значение большевистской революции и осталась враждебной ей. По словам Ю.В. Ключникова, перестав быть врагом большевистской России, но, не став и большевиком, *“сменившие вехи” почувствовали себя одинокими в среде остальной интеллигенции*. Он категорично высказывался в различных эмигрантских изданиях о неправомерности притязаний западных держав к Российскому государству накануне Генуэзской и Гаагской конференций. Он отмечал желание иностранных правительств воспользоваться слабостью России и за её счёт подправить своё собственное, вконец разрушенное хозяйство. Но поскольку в официальных и неофициальных заявлениях накануне данных конференций по экономическим и финансовым вопросам есть *“хоть тень искренних “убеждений”, да ещё ссылка на “международное право”, да “поза непогрешимых цензоров добрых международных нравов”*, отмечал Ю.В. Ключников, — спор с ними не только возможен, но обязателен. По рекомендации В.И. Ленина, руководителя делегации РСФСР на Генуэзской конференции, отметившего аргументированность статей Ю.В. Ключникова в эмигрантской печати, последний был приглашён в 1922 году для участия в составе советской делегации на конференции в Генуе в качестве эксперта. Ю.В. Ключников вёл споры по международно-правовым вопросам с иностранными, оппонентами советской стороны, которую он считал единственным законным представителем России, ибо в большевиках видел *“единственную силу, оказавшуюся способной вывести широкие массы на большие исторические пути”*. Особое значение в данном историческом движении он предавал провозглашению новой экономической политики, хотя, по его мнению, опасность военнокоммунистического рецидива вовсе не изжита Россией, так как отход российских коммунистов на буржуазные позиции есть чисто тактическая мера. По мнению Ю.В. Ключникова, отход большевиков в сторону нэпа может внезапно прерваться, что будет зависеть от обстановки в других странах. Если экономические и политические дела Запада будут улучшаться, то тогда почва для всякого рода коммунизма будет всё больше уходить из под ног большевистского правительства. Напротив, если политическая неразбериха, экономические проблемы и постоянные военные угрозы будут на Западе усиливаться, то и

“коммунистическая зараза непременно будет всё усиливаться, доколе есть поводы для революции”, считал Ю.В. Ключников. А пока “эволюционирование вправо русского коммунизма” после провозглашения перехода к нэпу давало возможность западным державам “избежать мировой революции не борьбой с Советской (коммунистической) Россией, а примирением с нею как с таковой”. Изменение социально-экономического строя в России, с его точки зрения, вовсе не означало, что экономические связи с другими государствами должны быть разорваны, необходимо развивать их во взаимных интересах на основе политических компромиссов, и “если новая экономическая политика есть большевистский термидор, то Каннская резолюция о том, что державы не претендуют на указывание друг другу правительственных режимов и обязательность для каждого из них режима собственности, есть термидор буржуазный”. Поэтому Ю.В. Ключников приходит к выводу, что начинается процесс двустороннего взаимного миро приспособления — “требовательной русской революции к условиям иностранной жизни и буржуазии разных стран к требованиям русской революции”. Далее он говорит о двойственности данного процесса, который является единственным способом избежать новых мировых катастроф. Вместе с тем, по мнению Ю.В. Ключникова, нормальное развитие международных отношений, в том числе внешнеэкономических связей, невозможно без “немедленного общего умиротворения вдоль всех русских границ”. Он указывал, что Россию нужно “превратить в такой международный фактор, который силой своего влияния устранил бы раз и навсегда возможность и необходимость враждебных международных коалиций”. С его точки зрения, этому могла бы способствовать политика Соединенных Штатов Америки и Советской России, так как “Вашингтон и Москва вместе — это мир всего мира, прогресс и свобода”. Таким образом, Ю.В. Ключников во многом предвосхитил будущие идеи, получившие позднее громкие наименования “теория мирного сосуществования с различным социальным строем” и “теория конвергенции”, придя к ним через российский патриотизм. В конце 1921 года по рекомендации советских представителей переехал из Парижа в Берлин, где вместе с Ю.Н. Потехиным основал ежедневную сменовеховскую газету “Накануне”. Тогда же изложил эволюцию своих взглядов в пьесе “Единый куст. Драматические картины из русской жизни” (Берлин, 1923), о реакции на постановку которой в парижских эмигрантских кругах вспоминал Д. Аминадо (См.: Аминадо Д. Поезд на третьем пути. М., 1991, с. 260 - 261). Летом 1922 года Ю.В. Ключников совершил турне по Советской России, выступая с лекциями. В ходе поездки ему была предложена кафедра международного публичного права в Московском университете. В августе 1922 года под давлением советских представителей и членов редакционной коллегии газеты “Накануне” был смещён с поста редактора газеты. В августе 1923 года вместе с А.В. Бобрищевым-Пушкиным, И.М. Василевским (Не-Буквой) и А.Н. Толстым вернулся на Родину. В СССР исполнял обязанности заведующего кабинетом международной политики Коммунистической Академии, преподавал, работал консультантом в Наркомате иностранных дел, сотрудничал в журнале Наркоминдела “Международная жизнь”. Под редакцией Ю.В. Ключникова в 1925 – 1926 годах были изданы тексты мирных договоров, завершивших I мировую войну. Он входил в число составителей сборников “Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях” (1925 - 1926). Постановлением “Особого Совещания” от 25 февраля 1934 года за “антисоветскую агитацию” был выслан на три года в Карелию. По данной статье реабилитирован 28 октября 1992 года А 5 ноября 1937 года вновь арестован и 10 января 1938 года приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР за “шпионско-террористическую деятельность” (статьи 58-6, 58-8, 58-13 УК РСФСР) к расстрелу. Приговор приведён в исполнение в тот же день в Москве. По второй судимости материалы архивного дела Ю.В. Ключникова до сих пор подлежат пересмотру на предмет обоснованности осуждения. Сочинения: *Интернационализм: основные вопросы международных отношений*. М., 1918; *На великом историческом перепутье. Пять глав по социологии международных отношений*. Берлин. 1922; *Единый куст. Драматические картины из русской жизни*. Берлин, 1923.

² **Потехин Юрий Николаевич** (1888, г. Короче Курской губернии — 2 декабря 1937 года, Москва) — общественный деятель, литератор, публицист, приват-доцент Московского университета. Активный функционер кадетской партии. В апреле – мае 1918 года издавал в Петрограде журнал “Накануне”, в котором сотрудничали Н. Бердяев, Е. Коровин, С. Котляревский, В. Устинов, В. Муравьев, Н. Фиолетов, Г. Чулков, С. Кечекьян и другие. В годы Гражданской войны примкнул к Белому движению, служил у Верховного правителя Российского государства адмирала А.В. Колчака в 1918 – 1920 годах, а после его поражения – эмигрировал. В эмиграции стал участником сложного общественно-политического течения – “сменовеховства”. Участник сборника “Смена вех” (Прага, 1921) и последующих

сменовеховских изданий — журнале “Смена вех” (Париж, 1921 – 1922) и ежедневной газете “Накануне” (Берлин, 1922 – 1924). Ю.Н. Потехин проводил мысль о том, что сменовеховские идеи — это естественная реакция на ход “истинного эволюционного процесса” в России. Он видел смысл большевистского переворота в свержении “органически неспособных к власти групп”. Лидеров белой эмиграции считал представителями всё тех же групп, которые “систематической ложью, подтасовкой съездов, где можно прямым натиском” навязывают широким массам эмигрантов свои реакционные взгляды, присвоив себе право говорить от имени всех русских эмигрантов, “представлять собой лицо эмиграции, им не будучи”. По мнению Ю.Н. Потехина, в отличие от эмигрантских лидеров, “большевики-марксисты, чутко учитывая все настроения трудящихся масс, привыкли жить их интересами. Поэтому отказ от утопии для трезвого учёта реальной действительности совершается намного быстрее и безболезненней, чем можно было ожидать”. Потехин считал, что в Советской России с провозглашением перехода к новой экономической политике и в политической, и в духовной, и в экономической области для индивидуальности открывается всё больший простор. Он подчёркивал, что ближайший этап всемирной истории определится неизбежным компромиссом между большевистской Россией и остальным миром. По его мнению, чем дальше в этом компромиссе западный капитализм пойдёт навстречу нуждам и идеалам новой, но в свою очередь считающейся с реальными экономическими условиями, России, тем безболезненней и быстрее всё человечество выйдет на пути “истинного эволюционного прогресса”. Данные сменовеховские идеи Ю.Н. Потехина во многом предвосхитили будущую “теорию конвергенции”. В 1923 году он вернулся на Родину, где ему был предложен пост руководителя одного из отделов ВСНХ. В СССР он издал несколько литературных произведений. Работал консультантом института “Атлас мира”. Арестован УНКВД по городу Москва и Московской области 22 ноября 1937 года. Постановлением тройки при УНКВД СССР по Московской области от 29 ноября 1937 года за “контрреволюционную агитацию” (ст. 58-10 УК РСФСР) приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 2 декабря 1937 года в городе Москва. Реабилитирован 24 сентября 1956 года. Сочинения: *Павлины без перьев: Из архива контрреволюции*. М., 1924; *Люди заката*. М., 1925.

³ «Смена вех» — одно из наиболее интересных и самобытных явлений послереволюционных лет, сложное идейно-политическое течение. Основные постулаты данного течения были изложены в вышедшем в Праге в 1921 году сборнике статей “Смена вех”, затем в одноименном журнале, издававшемся в Париже в 1921-1922 годах, а позже в газете “Накануне” (Берлин) и ряде иных печатных изданий, появившихся в большевистской России и белом Зарубежье. В первой половине 1920-х годов это течение, призвавшее к принятию советской действительности с национально-возрожденческих позиций, получило широкое распространение как внутри Советской России, так и в Российском Зарубежье. Тогда ему предсказывали большое будущее и рассматривали как реальную альтернативу красно-белого противостояния, как наиболее вероятный вариант Третьего Пути развития Российского государства.

⁴ **Сталин И.В.** *Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП (б) 18 декабря 1925 г.* — Соч. М., 1947, т. 7. С. 341 – 342.

⁵ “Накануне” — центральный печатный орган сменовеховцев. Газета выходила в Берлине с марта 1922 года по 15 июня 1924 года. Газета продолжила пропаганду идей, высказанных ранее в сборнике “Смена вех” (Прага, 1921) и журнале “Смена вех” (Париж, октябрь 1921 года март 1922 года). По финансовым причинам и по требованию советских представителей издание данной газеты было организовано в Берлине для воздействия на демократические слои эмигрантской интеллигенции, особенно широко представленные в Германии и ее столице. Первоначально в состав редколлегии входили Г.Л. Кирдецов, Б.В. Дюшен, С.С. Лукьянов, Ю.Н. Потехин при редакторе Ю.В. Ключникове. С № 114 от 23 августа 1922 года главным редактором стал Г.Л. Кирдецов, а в редколлегию вошли С.С. Лукьянов, П.А. Садыкер, С.С. Чахотин, так как Ю.В. Ключников и Ю.Н. Потехин были приглашены в Москву, и под давлением советских представителей и остальных членов редакции были смещены со своих постов в редакции газеты “Накануне”. Всего в издании газеты принимало участие около 400 корреспондентов, преимущественно из числа эмигрантской демократической интеллигенции. Достаточно быстро чисто газетное дело выросло в крупномасштабное предприятие — акционерное общество издательского дела “Накануне”. Оно занималось не только издательской деятельностью, но также и вопросами репатриации, представляла некоторые службы Красного Креста. “Накануне” оказалась единственной эмигрантской газетой, разрешенной к ввозу на советскую территорию, и доставлялась в Москву авиакомпанией

"Дерулюфт". Газета оказала существенное воздействие на организацию движения "возвращенчества" российских эмигрантов. Одновременно "Накануне" с патриотических позиций отстаивала внешнеполитические интересы страны. На ее страницах шел интенсивный диалог двух разделенных частей единой российской культуры: советской и эмигрантской. Газета издавала воскресное литературное приложение под редакцией А.Н. Толстого, а также по четвергам экономическое обозрение под редакцией профессора Г.Г. Швиттау, кинообозрение под редакцией О.С. Мельника. Здесь печатались М. Булгаков, С. Есенин, В. Катаев, К. Федин, А. Неверов, О. Мандельштам, М. Зощенко, Б. Пильняк, А. Яковлев и многие другие известные представители российской творческой интеллигенции 1920-х годов. Всего вышел 651 номер газеты. Из-за финансовых трудностей и усиливающихся разногласий в редколлегии 15 июня 1924 года было объявлено о прекращении выпуска газеты, официально объясненного редакцией завершением выполнения основной сменовеховской задачи — "разложения белой эмиграции".

⁶ **Квакин А.В.** *Устрялов Николай Васильевич* // Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 643 – 644.

⁷ **Хохунова О.И.** *Борьба Коммунистической партии против буржуазной идеологии сменовеховства в годы восстановления народного хозяйства (1921 – 1925 гг.)*. – Дисс. ...канд. Ист. Наук. М., МГУ. 1967. С. 59.

⁸ **Федюкин С.А.** *Великий Октябрь и интеллигенция*. М., 1972. С. 282.

⁹ **Agursky M.** *The Soviet legitimacy crisis and international implication* // Many faces of communism. N.-Y., 1978.

¹⁰ **Мамай Н.П.** *Коммунистическая партия в борьбе за идейно-политическое воспитание масс в первые годы нэпа*. М., 1954.

¹¹ **Генкина Э.Б.** *Из истории борьбы партии на идеологическом фронте* // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 16 – 38.

¹² **Обичкина Л.Г.** *Из истории борьбы РКП (б) против антисоветских течений и партий* // Вопросы истории КПСС. 1969. № 2. С. 100 – 110.

¹³ **Трифонов И.Я.** *Ленин и борьба с буржуазной идеологией в начале нэпа*. М., 1969.

¹⁴ **Квакин А.В.** *Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа, 1921 – 1927*. Саратов, 1991. С. 75 – 82.

¹⁵ **Быстрянцева Л.А.** *Мировоззрение и общественно-политическая деятельность Н.В. Устрялова (1890 – 1937)* // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 162 – 190.

¹⁶ *Белый Омск: Дневник колчаковца* (Публикация А.В. Смолина) // Русское прошлое, 1991, № 2. С. 285.

¹⁷ «Служить Родине приходится костями...». *Дневник Н.В. Устрялова 1935 – 1937 гг.* (Публикация И.А. Кондаковой) // Источник. 1998. № 5 – 6. С. 3 – 100.

¹⁸ **Там же.**

¹⁹ **Лежнёв** (с 1917 года, настоящие имя и фамилия — Исаак Альтшулер) **Исай Григорьевич** (псевдоним — "Григорьев") — (1891, г. Николаев — 9 октября 1955 года, Москва) — общественный деятель, журналист, литературовед, критик. Родился в городе Николаеве в ортодоксальной еврейской семье служащего. Покинув её в 13-летнем возрасте, включился в революционное движение, в 1906 году вступил в РСДРП, а в 1907 году за участие в стачке был выслан в Киевскую губернию. После возвращения в Николаев отошёл от революционного движения и в 1909 году выбыл из РСДРП, попав под влияние различных мистических идей. Зарабатывал на жизнь уроками, занимался самообразованием, и в 1910 году, сдав экстерном экзамен на аттестат зрелости, выехал за границу. После недолгого пребывания в Берлине и Париже, где состоялось его знакомство с А.В. Луначарским, поступил вольнослушателем на философский факультет Цюрихского университета. Весной 1914 года вернулся в Россию, работал в "Трудовой газете" в Николаеве, затем редактировал газету "Волго-Донской край" в Царицыне и, вскоре после Февральской революции, уехал в Петроград. Здесь он сотрудничал в газете "Русская воля", издававшейся выдающимся русским писателем Л.Н. Андреевым, а также в Петроградском телеграфном агентстве. С начала 1918 года переезжает в Москву, где работает в военных учреждениях — Комиссии для поручений Всеросглавштабе, начальником Отдела печати Главного управления воинских учебных заведений, редактировал ряд военных журналов — "Красный офицер", "Всеобуч и спорт", "Красная типография" и другие. Летом и осенью 1920 года был мобилизован в Красную Армию, работал в Краснодаре заведующим Отделом печати Кубанско-Черноморского ревкома и редакции газеты "Красное знамя", органа ПОАРМ. После демобилизации, в конце 1920 года, сотрудничал в Петрограде в профсоюзных организациях "Маховик" и "Труд", был

корреспондентом ряда газет, издававшихся советскими полпредствами в Берлине, Вене, Риге, Гельсингфорсе. конце 1921 года основал журнал сменовеховской ориентации “Россия”, как “первый беспартийный литературно-общественный журнал”. Планировалось открыть филиал редакции журнала в Берлине и печатать часть тиража в Зарубежье для русских эмигрантов, однако из-за финансовых трудностей данный замысел не был осуществлён. Под псевдонимом “Михаил Григорьев” активно публикуется в сменовеховских эмигрантских изданиях — журнале “Смена вех” (Париж, 29 октября 1921 года — 25 марта 1922 года) и ежедневной газете “Накануне” (Берлин, 26 марта 1922 года — 15 июня 1924 года). В журналах “Россия” и “Смена вех”, газете “Накануне” выдвигает и последовательно проводит теорию “революционного консерватизма”, согласно которой всё наблюдаемое имеет обратную тенденцию: атеизм — религиозен, интернационализм — национален, идея — безыдейна, а “народный дух” — “исторический Дух” Гегеля. Критикует формальную демократию и разогнанное Учредительное собрание, противопоставляя им “подлинную религиозность” большевистской революции. Он настаивает на религиозности социализма, который “равнозначен атеизму лишь в узко богословском толковании. А эмоционально, по психологическому устремлению своему социализм крайне религиозен”. Для него народ, как хранитель религиозного сознания, является источником истины, поэтому критерий следования народному духу — главный, а большевизм является его проявлением. Данная теория “революционного консерватизма” во многом сближает позицию И.Г. Лежнёва с позицией сменовеховцев, хотя он сам отрицал подобное сходство. Реально он всё же идейно близок эмигрантскому сменовеховству, находясь на его левом фланге, представляя в нём самое радикальное нигилистическое крыло, отвергавшее идеологию, право, традиционные ценности, признавая высшим мерилем “народный дух”. Национальные идеи “революционного консерватизма”, проповедуемые И.Г. Лежнёвым в Советской России и белой эмиграции, оказались предметом споров и компромиссов во внутривнутрипартийной борьбе в большевистской партии в середине 1920-х годов. В преддверии решающей борьбы И.В. Сталина и так называемой “объединённой оппозиции” в мае 1926 года журнал “Россия” был закрыт, а его редактор арестован органами ОГПУ 9 мая 1926 года. По постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 10 мая 1926 года за “участие в контрреволюционной организации” (ст. 62 УК РСФСР 1922 года) И.Г. Лежнёв в административном порядке был выслан из СССР через Эстонию сроком на три года 29 мая 1926 года. По этому обвинению он был реабилитирован посмертно только 26 октября 1993 года. В Зарубежье И.Г. Лежнёв считался одним из ведущих идеологов сошедшего с политической сцены общественно-политического течения — сменовеховства, авторитетным редактором одного из лучших для 1920-х годов небольшевистских журналов. Исходя из идей “революционного консерватизма”, И.Г. Лежнёв сохранил лояльность к большевикам и советский паспорт. В Берлине он работал в советском торговом представительстве в качестве экономиста, оставаясь берлинским корреспондентом сразу нескольких советских газет. В 1929 году он обратился в ЦК ВКП (б) с просьбой разрешить ему вернуться в СССР. Письмо было оглашено на одной из районных партийных конференций большевиков в Москве и рассматривалось в ЦК ВКП (б) как “важный симптом пересмотра сменовеховской интеллигенцией своих позиций”. В марте 1930 года И.Г. Лежнёву разрешили вернуться на Родину. В первые годы после возвращения он сотрудничал в Воениздате, журнале “Военный вестник”. К осени 1933 года подготовил и в 1934 году опубликовал первый том книги о пережитом им духовном переломе и о путях русской интеллигенции вообще “Записки современника”. Сигнальный экземпляр книги и сопроводительное письмо к ней направил в ЦК ВКП (б), прося рассматривать эту книгу как расширенное заявление о приёме в большевистскую партию. После уникального в своём роде покаяния, он становится одним из фаворитов И.В. Сталина. С 1934 года работал корреспондентом газеты “Правда”, а в 1936 году становится сначала заместителем Отдела критики и библиографии “Правды”, а позже, в 1938 году — Отделом литературы и искусства, получив одну из ключевых позиций в идеологической жизни страны. По его инициативе были созданы “литстраницы” “Правды”, он занимался редакторской работой, писал статьи о русской литературе для “Правды”. До 1939 года был одним из руководителей “чисток” в области культуры. Однако в 1939 году был отстранён от работы в газете “Правда” и занялся литературной критикой, став ведущим специалистом по творчеству М.А. Шолохова. Никогда более не возвращался к идеям близким сменовеховству, “революционному консерватизму” или чему-либо, хоть отдалённо напоминающее время “идейного плюрализма” своего редактирования журнала “Россия” и сотрудничества в эмигрантских сменовеховских изданиях. Во время Второй мировой войны, находясь в эвакуации в Ташкенте, работал вторым секретарём Союза советских писателей Узбекистана,

---

сотрудничал в издательстве “Советский писатель”. После возвращения в Москву в 1943 году работал в Совинформбюро, изучал германскую проблематику. Умер 9 октября 1955 года в Москве. Сочинения: *Записки современника*. Т. 1. Истоки. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М., 1936; *Палачи Европы*. М., 1945; *Избранные статьи*. М., 1960.

²⁰ Имеется в виду персонаж Евангелия от Луки Симеон Богоприимец, который по преданию, не мог умереть раньше, чем увидит Младенца Мессию. Когда в Храм принесли Иисуса, Симеон, взяв его на руки, сказал: «*Ныне отпускаешь раба твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром*» (**От Луки. Гл. 2. Ст. 29**). Эти слова Симеона приняты как молитва.

²¹ **Ленотр А.** (1613 – 1700) – французский архитектор, мастер систематичности и упорядоченности в садово-парковом искусстве. Здесь очевидная аллегория в отношении действий чекистов.

²² *Dulce et decorum est* (лат.) – сладостно и пристойно.

²³ «*Служить Родине приходится костями...*». *Дневник Н.В. Устрялова 1935 – 1937 гг.* (Публикация И.А. Кондаковой) // *Источник*. 1998. № 5 – 6. С. 41.

²⁴ **Ахнзнер А.С.** *Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России)*. Т. 1. Новосибирск, 1997. С. 197.

²⁵ **Красильников С.А.** *Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX веке (Дискуссионные заметки)* // *Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора В.Г. Чуфарова*. Екатеринбург, 1998. С. 42 – 43.

²⁶ *Возрождение*. 2001, 15 января.

© Андрей Квакин, 20 Февраля 2001 г.